
Читатель может спросить после всего этого, есть ли что-нибудь хрощее, положительное в книге Слонима. Да, конечно, есть, но оно обесценивается указанными выше, слишком уж существенными недостатками. Те главы книги Слонима, к которым нельзя предъявить конкретных обвинений, не отличаются однако ни оригинальностью суждений, ни особенным богатством фактического материала по сравнению с прекрасной английской книгой о русской литературе Д. П. Святополк-Мирского. Ни для академических ни для иных целей книга Слонима этой книги не заменит.

Глеб Струве

А. А. БОГОЛЕПОВ. *Русская лирика от Жуковского до Бунина*. Изд-во Имени Чехова. Нью-Йорк. 1952.

Сравнивая эту антологию с той, гораздо более краткой, которую Святополк-Мирский выпустил в Париже больше тридцати лет тому назад, будущий историк нашей словесности едва ли избегнет вывода, что литературный вкус и способность критической оценки, за эти годы, претерпели в эмиграции не менее резкое падение, чем в России. Верен ли будет этот вывод, судить не берусь; но счесть совсем ничего не значущим тот факт, что издательство, преследующее не коммерческие, а культурные цели, почитило теперь прошлое нашей поэзии именно этой книгой, а не какой-либо другой, всё-таки довольно трудно.

Около трети помещенных в ней стихов можно было бы выделить в особый, по-своему даже и любопытный сборник, где нашли бы себе место Бенедиктов, Огарев, Никитин, Суриков, Добролюбов, К. Р., Голенищев-Кутузов, Плещеев, Апухтин, Надсон, Фруг, Ратгауз, Федоров, Фофанов, Минский, Щепкина-Куперник, Чюмина, Лохвицкая и другие авторы, в разное время, по причинам отчасти «гражданственным», отчасти же еще более грустным, почитавшиеся у нас поэтами, — вплоть до Мунштейна-Лоло, ни в какое время не почитавшегося таковым, но которому г. Боголепов всё же отдал предпочтение перед Ходасевичем и Мандельштамом, в его антологию не включенным, хоть она и доведена, вопреки заглавию, не до Бунина, а до Ахматовой и Цветаевой. Остальные две трети нашу поэзию не бесчестят, но выбор стихотворений, если не имен, и тут, поскольку не следует хрестоматийному шаблону, подтверждает лишний раз, что для составителя никакой особенной пропасти не существует между такими образцами русской лирики, как «Последняя любовь», «Для берегов отчизны дальней», «Ночь, улица, фонарь, аптека» и такими, как «Красота в упоительных грезах» или «Милый друг, я умираю, оттого, что был я честен». Не стану останавливаться на частностях. (Почему Цветаева представлена всего двумя стихотворениями, 1916

года? Почему отсутствуют как раз те два стихотворения Случевского, которыми оправдываются все шесть томов его многословного стихоплетства?) Самый замысел сборника свидетельствует о полной некомпетентности того, кто его задумал.

Если уж начинать антологию с Жуковского, что предполагает решимость пожертвовать одним из немногих истинно великих наших поэтов, Державиным, то надо положить ей границей девятнадцатый век и, значит, не вести ее дальше Соловьева. Буниным в нашей поэзии, если что-нибудь кончается, то это период ее предшествующий символизму, но г. Боголепов, как мы уже видели, вовсе и не обрывает свою книгу на Бунине; он включает в нее символистов и ведет ее до того поколения, к которому принадлежат, кроме Гумилева, Ахматовой, Цветаевой, и забытых им Ходасевича и Мандельштама, еще и Пастернак, Маяковский, Есенин, которых тоже у него нет. Среди поэтов постарше (хоть и моложе Бунина) отсутствует Кузмин, да и ряд других стихотворцев, во всяком случае более интересных, чем Скиталец или Любовь Столица. Но смена литературных поколений, как и хронологическая последовательность в пределах индивидуального творчества, г. Боголепова не интересует; о значении того и другого он, видимо, не имеет ни малейшего понятия. Поэтов он обещает нам в своем сборнике располагать «по основным эпохам их деятельности». Но почему же основная эпоха деятельности Бунина (как поэта) относится к более позднему времени, чем такая же эпоха в творчестве Цветаевой или Ахматовой? Нужно ли нам и в самом деле верить, что Зинаида Гиппиус пережила свой стихотворческий расцвет раньше, чем Случевский и Голенищев-Кутузов? И зачем понадобилось затемнять линию развития Боратынского и Тютчева, столь важную для их поэзии, заканчивая выбор из одного двумя стихотворениями, написанными до «Сумерек», а выбор из другого стихами на смерть Пушкина?

Всё это, впрочем, праздные вопросы, раз приходится задавать их человеку, которому нисколько не кажется смешным хвалить Пушкина за то, что он оставался «правдивым, по отношению к действительности и убедительным по отношению к читателю», сообщать нам (по поводу Аполлона Григорьева) о каком-то «навеянном Гегелем развитии человеческого духа» и говорить о Вячеславе Иванове, что он «решительно стал на точку зрения традиционной веры, полагая, что без веры в Бога человечество не может найти утерянной свежести». Ясно одно: при столь малом умении мыслить и писать, лучше не браться за составление антологий.

Но остается другой вопрос, уже не к составителю обращенный: зачем было его книгу издавать?

В. В.